

18+

Сергей Чернец
Необычные истории детства



Сергий Чернец
Необычные истории детства

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42757554

ISBN 9785449695888

Аннотация

В книжке рассказаны необычные истории, которые произошли в детском возрасте с разными людьми, но запомнились им до самой старости.

Содержание

Первый рассказ. «Я переводчик». «Пещеры, сталагмиты»	5
Второй рассказ «Сны-страхи»	22
Третий рассказ. Воспоминания во сне	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Необычные истории детства

Сергий Чернец

© Сергий Чернец, 2019

ISBN 978-5-4496-9588-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Первый рассказ. «Я переводчик».

«Пещеры, сталагмиты»

Вступление.

Первое впечатление о человеке, часто, бывает отделено от последующего узнавания. И меня однажды приняли, как чересчур умного полиглота, говорящего на нескольких языках.

Человеку, всю жизнь говорящему на одном языке, даже опасно знать другие языки. (Это теория такая родилась в моей голове тогда). Все зависит, наверное, от способностей. Но вот, и Лев Толстой говорил без акцента и на английском языке, и на французском он с детства был воспитан гувернерами. И говорил он на французском также естественно, как и по-русски.

Но если человек говорил и учился только на русском, – то «застрявшие» в памяти иностранные слова перебивают его мысли, он думает на русском языке, естественно! Они, эти иностранные слова, когда-то узнанные, со временем утрачивают свое значение точное, и оттого не дают сразу уловить мысль. Эти слова будут прыгать в мозгу, как блохи и будут досаждают, размывая смысл обычной русской фразы. Иностранный язык, таким образом, будет мешать человеку...

Часть 1



В деревнях сразу видно людей приезжих, чужих. Местные детишки сразу собираются поглазеть на приезжих. Тем более, что у колодца, в нижней части нашей деревни собралась толпа каких-то туристов с рюкзаками. И одеты они были необычно: в камуфляжные пестрые куртки, в такие же пятнистые штаны. А к рюкзакам были приторочены лопатки и альпинистские топоры с длинными ручками. «Туристы» набирали воду во фляги из колодезного ведра.

Стояла жаркая солнечная погода середины августа. Словно лето решило распрощаться, одарив ясными и теплыми днями. На небе ни облачка. В эту пору как раз началась страда, уборка урожая в колхозах.

«Туристов» было человек 8, не меньше. Мне было не видно сразу, когда я шел снизу деревни, возвращаясь с реки. Там мы купались около моста, по которому пылили колхозные машины с травой на силос. Дорога проходила в стороне от деревни, за огородами и пыль не долетела до улицы нашей. И ветра не было – дома и заборы закрывали улицу, а от этого в деревне было еще жарче, чем в поле или у реки!

Воды на всех не хватило, и ведро вновь опустилось в колодец, прогремев цепью. Ручку в Орта крутил пожилого вида человек с бородой. Сразу видно было, что он «старший» в группе. А две молодые девушки и парень, в джинсах и футболке с иностранными надписями, пытались что-то выяснить у маленьких мальчишек, что набежали, из любопытства, «поглазеть» на «новых» людей, зашедших в их деревню. Мальчишки-«дошколята» плохо знали русский язык. Они разговаривали на местном марийском языке. И «туристы» не могли понять их разговора, а «дошколята» не могли понять, что хотят от них «туристы», о чем они спрашивают.

В страдное время, во время сбора урожая все взрослые в колхозе были на полях. В деревне оставались только маленькие дети и пожилые бабушки и дедушки. Школьники тоже выходили в колхоз с родителями помогать работать! Так

получилось, что спросить или узнать что-то было не у кого. А «туристам» нужно было узнать короткую дорогу. Это я понял когда подошел к колодцу и начал разговаривать со «старшим» из группы.

– Вот, наконец-то, один человек говорит по-русски! – обрадовался «старший», когда я поздоровался и спросил, куда они держат путь и «туристы» ли они.

– Ты местный, мальчик? – спросил меня пожилой бородатый мужчина.

– Нет. Я тут к бабушке приехал на каникулы. А так, я из города. Но я понимаю языки, и мы у бабушек можем узнать дорогу. – ответил я «старшему». А я в то время знал и разговаривал на трех языках: на татарском и марийском и на русском.

Мы, быстро, познакомились со всеми. Меня звали Серёжа, как представил меня Иван Иванович своим молодым спутникам. Аня и Алена, красивые и очень молодые, были школьницы старших классов. А молодые ребята, мужики, были геологи-спелеологи. Я не знал, что такое «спелеолог». И Рома, самый молодой, студент, тот в джинсах и в цветной, исписанной иностранными надписями, футболке, – стал мне рассказывать-объяснять, что такое «спелеология». Все геологи подошли к воротам нашего дома, наискосок, напротив колодца. Там была тень от забора. Все сели отдыхать на бревна, которые лежали у нашего забора слева от ворот.

«Эти бревна, уже ошкуренные, бабушка приготовила для

постройки бани. Наша баня старая маленькая уже села в землю и бревна нижние все гнилые. Мы построим новую...» – так я объяснил геологам.

«Бабушка моя была учительницей раньше тут, а теперь на пенсии, но работает в колхозе. Её до вечера не будет. А я позову соседку, и мы всё спросим» – предложил я Иван Иванычу.

«А соседка по-русски говорит?» – тут же спросил он меня.

«Нет. Но я переведу всё, я умею по-ихнему разговаривать» – сказал я, убегая к соседнему дому.

Мы пришли вместе с «Зоя-ака» – с тетей Зоей. И вот, начался мой опыт «синхронного» перевода с одного языка на другой и обратно. Беседовали Иван Иванович и Зоя-ака, через меня, довольно долго, но зато – выяснилось всё что нужно. И короткую дорогу через лес, потом через овраги пояснила нам тетя Зоя, и рассказала историю, ради которой приехали геологи-спелеологи из города Ленинград!

«Йудым тиде лийын тунам, паллет!» – говорила Зоя-ака. И я переводил: «Ночью это произошло тогда, знаешь!» – и далее история, рассказанная тетей Зоей.

«Днем в поле пахал трактор. Весной было дело. А на ночь тракторист решил не уводить трактор на колхозный машинный двор. Тот был далеко, около кузницы, за речкой. Не выгодно гонять гусеничный трактор, и по мосту надо было проезжать в темноте. Трактор остался в поле, чуть не посередине его, там, где закончил пахоту колхозник, потому что стем-

нело. Домой он ушел пешком, в деревню. А ночью тряслась земля во всей округе, в деревне стекла в домах дрожали, говорила тетя Зоя. Никто ничего не понял, но проснулись все жители. Утром пришел тракторист на поле свое, но еще издалека увидел, что трактора нет! А подойдя поближе на поле, он увидел огромную яму в земле. Глубокую очень. И внизу лежал трактор, казавшийся маленьким, такая яма была глубокая. Провалилась земля ночью, вот и трясло всю округу. И открылись пласты каменные, наслоения за миллионы лет стали видны. А внизу на глубине текла река, с шумом унося обрушившиеся камни. Вот оно как было, говорила тетя Зоя. Вызывали из города альпинистов, и они спускались и обмотали трактор тросами. Два крана пригоняли большие и вытаскивали трактор-то! Но не в тракторе дело. А там, где река вытекала, была большая пещера, уходящая вглубь земли. Альпинисты рассказывали и все деревенские знают. И в другую сторону, куда река течет – тоже проход большой, пещера там».

Об этом провале, который был назван по имени деревни Пумор: «Пуморский провал» – и сообщили в Ленинградский институт геологии. Провал был глубиной около 40 метров и открыл все скальные породы. Поэтому Иван Иванович – профессор кафедры геологии и привез группу исследователей. Был летний сезон, и геологи все были в разъездах, так и получилось у Ивана Ивановича, что нашел он увлекающихся спелеологов. Школьницы из ближайшей к институту школы

ходили в кружок спелеологов и тоже вызвались поехать. Исследовать надо было много, но хотя бы предварительно посмотреть и взять образцы, особенно интересные, какие попадутся. Поездка носила ознакомительный характер. Дороги у нас в колхозе все грунтовые. Автобус ходил только до райцентра. На попутке они доехали и до нашей деревни. А дальше, как туристы, с рюкзаками, пешком.

Рома мне уже рассказывал, что в пещерах бывают сталактиты и сталагмиты и бывают красивые пещеры.

И я попросился у Ивана Ивановича, чтобы они взяли меня с собой! Я им предложил переночевать у нас. А то, я слышал, они собирались ставить палатки и разводить костер. Пока суть, да дело, – подошла моя бабушка. Она будто чувствовала и пришла с работы на поле пораньше домой. Ей все рассказали, и она тоже пригласила всех в дом! Так у нас ночевала целая экспедиция геологов и спелеологов! Обещали взять меня с собой!

Часть 2



Дом наш был большой, старинный, «пятистенок», как все говорили. Его еще отец моего дедушки построил, давным-давно. К дому присоединялась большая «клеть», через сени соединенная под одной крышей с домом. Получалось 2 дома под одной крышей. Только дом был из толстых бревен и с высоким подпольем, в которое заходили с улицы, со двора, через маленькую низкую дверь, оббитую для утепления ватными телогрейками. Под клетью такая же дверь, утепленная и оббитая, вела в погреб-ледник. Там у нас хранились соленые грибы в низких кадках, а в большой бочке соленая капуста, придавленная на крышку большим камнем. Еще, там

на полках стояли разные горшки с продуктами и банки с вареньем.

А в клети, из сеней вели три ступеньки лестницы. В сенях у нас не было потолка, и виден был чердак, куда вела уже высокая лестница в дальнем углу сеней. На чердаке всегда что-то сушили: траву и даже ягоды черемухи, расстилая их на фанере на газету.

И в клети не было потолка, видны были стропила и доски крыши. И в клети было темно, сумрачно, свет пробивался, узкой полоской освещая противоположную стену из небольшого окошечка во двор, одно бревно стены было разрезано. Это окно всегда закрывалось какой-то толстой тряпкой-холстиной. В этот раз оно открылось надолго, пока будут жить «гости».

Справа у двери в клети стояли огромные прямоугольные сундуки: один бабушкин красивый, оббитый по углам красиво вырезанными узорами пластинками железа и с рисунками цветов на крышке; другой дедушкин, в котором вместо вещей хранились мешочки с крупами и с сахаром колотым и с сахарным песком, там же лежали и сушки, купленные в магазине и маленькие и большие. А слева, где окошко, в клети устроены были «полати», такая широкая длинная лавка, от стены к стене. На полатях хранились матрацы старенькие. На стене, над этой низкой широкой лавкой, на больших гвоздях висели тулупы, фуфайки, плащи и пальто, зимние куртки и полушубки, некоторые старые...

Вот на этих «полотях» и устроились все мужики-геологи, постелив все вещи для лежания. Бабушка принесла им простыни, чтобы накрыть вещи, и одеяла.

А девушкам уступили кровать в комнате за перегородкой у печи. А мы с бабушкой разложили диван, стоявший сразу у дверей.

Я лег к стене пораньше, чтобы пораньше встать. А бабушка еще сидела за столом под иконами, что-то читала, у нее горела настольная лампа. Но сразу уснуть у меня не получалось, столько много нового я узнал за сегодняшний день.... И я всё думал о разговорах геологов, вспоминал рассказ Ромы-спелеолога...

Это был шаг в неизвестность. И вот, «Провал», а что там, за ним «пустота». Какой длины там пещера? Куда ведут её галереи? Какие опасности ждут спелеологов? Их ждут тайны, которые подземное царство хранит сотни, а может тысячи или миллионы лет. И эти тайны откроются людям.... Сон пришел неожиданно.

И так же неожиданно я проснулся. Непривычная тишина в доме заставила волноваться мое сердце. «Неужели проспал» – промелькнуло в сознании. И я соскочил с дивана. Заглянув за перегородку, в другой комнате я увидел чисто заправленную покрывалом кровать! Никого не было. И слезы стали наворачиваться сами собой, я готов был заплакать и, в конце концов, заплакал и вышел в сени, на ходу одеваясь. Натянул быстро брюки и накинул на плечи рубашку.

В сенях стояли огромные рюкзаки наших геологов. «Может не ушли?!!» – с надеждой я подбежал к клетки. Но там тоже никого не было. Тогда я выбежал на крыльцо, надеясь на улице кого-то увидеть, но жаркое солнце уже поднялось над лесом и ослепляло. Прикрывшись от солнышка рукой, я посмотрел по сторонам, а двор тоже был пустой, никого не было. И тут затихший было, с надеждой, плачь прорвался. Я прямо зарыдал, заплакал как маленький мальчик: я был уже в третьем классе и считал себя «большим» и никогда бы не стал плакать. Но тут, – такая ситуация: меня же обманули, меня даже не разбудили. «Если не хотели меня брать с собой, ну и пусть! Так бы и сказали! А то – обещали и – обманулиии!» – я держался за перила крыльца и рыдал от обиды, от всего, что накатило вдруг...

Вот в таком рыдающем положении меня увидели первые мужики, входившие во двор с другой стороны, открыв калитку с огорода. Пришли все, один за одним. С ними была и бабушка. Первыми подошли ко мне, ускорив шаги, обогнав всех, девушки. «Ну, что ты, что ты! Мы только на разведку ходили» – успокаивали они меня. «Мы обязательно тебя возьмем с собой, ты нам вещи поможешь нести, оборудование...» – вытиравшему слезы кулаком успокоительно обещали мне девушки!

В доме быстро прибрались, девушки помогали бабушке. Собрали раскладной диван, убрали постель, простыни и подушки унесли в другую комнату, на кровать. Тут уже и чайник вскипать начал. Летом редко топили печку, а готовили на электрической плитке, которая стояла на тумбочке рядом.

А мужики все собрались за столом. В углу под иконами сидел Иван Иванович, «старший». И подводили они итоги «беглого» осмотра Провала.

Я тогда мало что понимал в научных терминах и в незнакомых словах. Помню совсем мало:



«Это известняковые пещеры периода Девона и Карбона. Подземная река выше ближайшего озера и той маленькой речки в деревне метров на 10, находится провал, который размыт подземной рекой в 2-х или 3-х километрах от речки в низине, от озера еще дальше. Возможно, что обвалы внутри пещер и весенние паводки от грунтовых вод размывали, затопляя, пещеры. Входы в пещеры от 5-ти до 3-х с половиной метров. И вытянута пещера с северо-запада...».

Вот и решили, как я понял тогда их выводы – идти к провалу и ставить там, рядом, в лесочке, палатки. Решили геологи не ходить в деревню и не «стеснять» нас в жилье. А иметь возможность заниматься Провалом от зари до позднего вечера.

Они попили чай с «сушками из сундука» (их надо было размачивать и поэтому поводу даже пошутили) и стали собираться. Меня позвал сам Иван Иванович и пригласил идти с ними. Бабушка отпустила с условием, что я к вечеру вернусь, до темноты. Рома вызвался помочь: «Я его провожать буду до деревни вечером, а то волки могут напасть!» – весело сказал Рома, похлопав меня по плечу.

Часть пути мы шли действительно через густой лес по узкой дороге. И овраг в лесу был завален валежником, буреломом. А потом пошла веселая березовая роща. И вышли мы на дорогу по краю поля. Дорога в обход леса и оврага точно делала большой крюк, и нам бы пришлось далеко идти. Это

соседка подсказала короткую дорогу, а бабушка утром провожала геологов до Провала.

Около Провала на лесной опушке геологи разбили свой лагерь. Я помогал, чем мог: носился от Провала к палаткам. У палаток горел костер, и девушки уже варили в котелках еду, чай.

Вечером Рома проводил меня до деревни, когда начало уже темнеть. А утром, едва проснувшись, я наспех завтракал приготовленным бабушкой бутербродом со стаканом парного молока, и сам уже бежал по знакомой дороге в лагерь геологов.

Они многократно спускались в Провал и ходили в пещеры. Занимались своим исследованием. Нас с девушками не брали пока с собой. Просился в пещеры не только я один, но и девушки-школьницы хотели увидеть красивые внутренние залы, прозрачные озера под землей! Ведь нам рассказывали у костра, те кто спускались, когда они приходили обедать.

Наконец такой день настал. Иван Иванович сказал: «В нарушение всяких инструкций пойдете в пещеру все трое. С вами пойдут – Денис, Рома и Захар. Я остаюсь в лагере, а у Провала наверху вас парни подстрахуют».

Иван Ивановичу надо было писать отчет о проделанной работе, и он обложился папками с бумагами. Прямо лежа на траве, он что-то писал.

Вот так я попал в другой мир, в «Подземное царство»!!!

Спуск у нас занял много времени больше часа. Река внизу оказалось холодной. И вокруг было прохладно. Недаром мы приготовили и надели свитера под низ курточек, в которых наверху нам было жарко. Река шумно журчала, неся свои воды по камням. В пещере река была намного тише, тут было глубоко. Мы прошли прямой проход, пройдя берегом реки. Когда мы вошли в пещеру, нам открылся большой зал. Фонари только немного освещали темноту, и тем показывали, что это огромный дворец, заставленный большими и маленькими колоннами вдалеке.

Все своды покрыты инеем, который сверкал, такое ощущение, будто в сказку попал. Ледяные кристаллы переливались в свете фонарей. Ими можно было любоваться. Но у исследователей другая задача – постараться как можно дальше пройти вглубь пещеры. Мы же попутно видели свисающие с потолка, белые блестящие сталактиты. Пройти вглубь оказалось непросто. Не успели мы дойти до конца одного зала, неожиданный сюрприз – подземное озеро, да не одно, а сразу несколько.

Зная об особенностях карстовых пещер, спелеологи взяли в экспедицию подводное снаряжение.

Коридор уходил круто вниз к озеру и к другому залу пещеры. И спуск оборудования занимает еще час времени. Синяки на теле уже никто не считает: мы с девушками падали, спускаясь по сырым камням не один раз. Также не замечали мы слой гипса на одежде – это была, что называется, вековая

пыль!

Прохождение неизвестной нам пещеры – это было отдельное испытание для нас. Чтобы добраться вниз, до озера, приходилось буквально ползти. Зато после того открывалось нам нечто новое. Вода в озере настолько прозрачная, что до дна, кажется, рукой подать. На самом деле, – шаг в сторону и человек скрывается с головой. Это показал нам Денис. Он занимался в Ленинграде спортивным дайвингом и был, в своих кругах известен, как спелео-подводник.

Чтобы легче двигаться под водой, покоритель глубин взял с собой лишь два небольших баллона. Запаса воздуха – меньше, чем на час. А лимит времени погружения Денис уже исчерпал. Мы ждали его, и напряжение на «берегу» озера только нарастало.

«Видимо здесь есть объемы воздуха, и Денис по ним движется» – говорил Захар, держа в руках трос-веревку. Все осложняется тем, что эти ходы пещерные новые, и его ждет впереди неизвестность» – вторил ему Рома.

И вот, веревка-ходовик резко натягивается. На том конце пещеры, куда можно попасть только через воду, стал виден луч от фонаря. Денис пробыл под водой около 40 минут. Не без риска для жизни. В какой-то момент он даже застрял. Мы переправили Денису еще два баллона полные, а приняли от него пустые и он вернулся к нам. Узкие ходы, в одном месте даже запутался ходовик» – рассказывал нам Денис. – «Мутится все очень быстро, потому что ил, никого не было

там никогда, туда проплыл, обратно уже ничего не видно».

Денис, однако, сделал уникальные фотографии. Повсюду в пещере обломки скальной породы. Жизнь у реки в пещерном царстве не стоит на месте – карстовые полости находятся в постоянном движении. И в следующий раз пейзаж на глубине уже будет другим!

На этом большие мои приключения кончились. Я до конца экспедиции ходил к геологам, помогал им в малых делах, те же дрова собирал в лесу.

В то лето я мечтал быть геологом и спелеологом, но жизнь изменяется, и мои увлечения продержались недолго. Уже в следующее лето я увлекался другим. Но это другая история.

Конец.

Второй рассказ «Сны-страхи»

Память – это род встречи со своим прошлым.

Прошлое всегда с нами, и все, что мы собой представляем, – все происходит из прошлого. Мы – творение прошлого, мы вышли из-под его «пера». Не понимая прошлого, мы не поймем и настоящего.

Память о прошлом дает нам понимание себя и понимание окружающего. «Было время, когда...» – и начинает человек вспоминать.

Мало кто помнит о своем самом юном возрасте.

Память избирательна и иногда, хорошее совсем не запоминается. А плохое помнится долго.

Так вот, когда было мне, от силы, несколько месяцев – я помню (и это нонсенс), как я упал с кровати на пол. В тот момент, вероятно, я потерял сознание. Потому что в все видится мне со стороны. Так отразилось в памяти души моей, которая «отлетела» – покинула тело.

Как понимается это сейчас: младенец упал с высокой кровати головой об пол и возможно был «при смерти». Конечно, приглашен был врач, или была вызвана скорая помощь. Но душа этого младенца, покинув тело, наблюдала за происходящим со стороны. И она может, запомнив события, опи-

сать все с величайшей точностью.

Родители жили в то время, снимая угол в частном доме на окраине города. В узкой комнате стояла кровать у стены слева, и стол в другом, противоположном от двери углу, близко к единственному окну, что напротив кровати. На стене над кроватью висел ковер. Смутные силуэты молодой мамы, которая плакала и кричала на молодого отца: почему он положил ребенка на край кровати, что он упал и теперь не приходит в себя. Затем суэта, движение нескольких человек, которые толкались-сталкивались в узкой комнатке между кроватью и окном. Потом тишина и провал.

А через несколько времени, возможно, через день или несколько дней, маленький мальчик видел, как пришел с работы домой отец. Он принес рыбу селёдку. Мама взяла мальчика на руки, посадила к себе на колени и кормила с ложечки манной кашей. А отец, видимо пьяный, веселый, – отломил от селедки небольшой кусок и пытался накормить мальчика. Как не давала мама, но он, мальчик, потянулся руками и кусочек рыбы попал-таки ему в рот. Так он ел селёдку в младенческом возрасте. Ни вкусов, ни запахов, ни слов – младенец-мальчик не понимал, но все, что запечатлела его память тогда – сейчас он может воспроизвести точно и объяснить подробно.

Так, будучи чуток постарше, он помнил зиму. Как его, укутанного и перевязанного большим платком-шалью, везли на санках со спинкой. Эти деревянные санки с решетчатой

спинкой, он видел и потом, когда ходил в школу. Кажется, выкинули их на свалку-помойку, за ветхостью, когда он начал ходить в школу. А в младенческом возрасте он в них сидел, и везла его мама по улице. И помнил он, как перетаскивала мама санки через железную дорогу. Потом перетаскивала его и усаживала вновь в санки со спинкой.

Такие маленькие подробности жизни из очень далекого (для него) детства редко остаются в памяти человека. Тут начинается мистика.

Человек, будучи младенцем, не имеет представления ни о Боге, ни о потустороннем мире. Но он видит, вернее душа его воспринимает: и мир ангелов и бесов, и различные мистические образы. Потом, взрослея, он теряет уже эту способность.

«Устами младенцев (детей) глаголет истина».

Это высказывание всем почти знакомо. Но почему-то мы отказываемся верить, когда дети, увидев что-то неестественное для нашего «взрослого» мира, говорят нам об этом. Души детские более восприимчивы, и дети видят больше – в нашем мире. Они видят ангелов и видят персонажей сказочных: домовых и барабашек.

Восприимчивость человеческих душ меняется с возрастом от веры человека. Если душа верит, уверена в существовании другого, невидимого мира, она по вере и получит, –

что будет видеть тот «сверхъестественный» мир, в котором мы все существуем.

Наука постепенно приходит к тому знанию, которым обладают души младенцев. Уже нашли, что время движется вместе с нашей планетой в пространственно-временном континууме.

А без умных слов и понятий – мир огромен и наполнен многочисленными созданиями, из которых мы можем видеть только лишь 4 процента той, нашей материи. Из мира темных материй – ангелы темные, вокруг нас, рядятся в цветные одежды и соблазняют души человеческие. А ангелы светлые – охраняют людей и учат их добру.

Все так просто, надо только верить. Надо вернуться в памяти своей к детским воспоминаниям. И мы обнаружим, что видели мы и общались с другими нематериальными созданиями в «младенческом» детстве своем.

Так и в нашем рассказе: вспоминая то далекое детство, что увиделось. А душа маленького мальчика уже в самом юном возрасте «отлетала» от его тела. Этот опыт не был случайностью, или лучше сказать, не остался без последствий. Мальчик научился во сне улетать к «другим мирам».



Он часто видел один и тот же сон: как темное большое облако, квадратное и объемное, как большая подушка, что лежала на родительской кровати – вдруг, приближалось и наваливалось на него спящего. И мальчику, от навалившегося груза становилось трудно дышать – и, казалось, он резко умирал. А душа его оказывалась в другом времени, в другом месте: иногда, среди солнечного яркого дня, на какой-то стеклянной светящейся поляне, где были цветы и где бегали красивые солнечные светлые мальчики и девочки. А то он, вдруг, оказывался в темной черной пустыне, где под ногами

его был мягкий серый песок, а вокруг ходили мальчики – все черные, с блестящими глазами.

И после этих снов просыпался мальчик рано под утро, всегда перед восходом солнца. Летом это часа в 4 или еще раньше, а зимой позже. Связь сна с восходом солнца мальчик понял, когда проводил лето в деревне у бабушки, на каникулах.

И в этих мистических снах мальчик много узнавал нового и интересного. Но память недолго хранила видения из снов, сны он забывал быстро. А вот знания, вероятно, откладывались в его подсознании. Потому что случалось ему потом не раз и не два их применять.

Такие сны с облаком-подушкой, которое задавливало его «до смерти» – мальчик считал плохими.

Став чуть постарше, он решал с ними бороться. Иногда, как только при засыпании он видел приближающуюся темную массу-облако, – он резко просыпался, а потом боялся уснуть. Лежал с открытыми глазами долго, вставал и шел на кухню, пил воду или еще что-то предпринимал, чтобы не спать. Родителям он ничего не рассказывал и никому не говорил о своих «страшных снах». Отцу или матери он отвечал просто – «не спится, не хочу спать». И так при помощи бессонных ночей, не высыпаясь, мучаясь днем, засыпая в школе на уроках, – мальчик постепенно избавился от «снов страхов». Сны эти в раннем детстве снились ему часто, но с возрастом все реже и потом, когда он пошел в школу, прекратились совсем. Теперь ему думается, что напрасно...

Ибо знания, из приключений в тех снах почерпнутые, однако всплывали в памяти, да так иногда выручали, помогали ему в жизни, – что после окончания школы, во взрослой жизни, мальчик пожалел, что не стало больше тех «снов страхов». Ведь за «смертью» от облака, всегда, душа его переходила в другой перекрестный мистический мир и что-то познавала обо всей вселенной, приобретая опытные знания.

Как проявлялся опыт души, сохраненный в подсознании мальчика? Это было всегда ощущение «де-жавю» – будто он знал о событии, которое неожиданно случилось с ним в повседневной жизни. И будто бы он знал, как надо поступать в той или другой ситуации: «ну точно, он знал, что надо сделать так, а не иначе. И всегда, это было правильно, если он поступал по тем своим «тайным знаниям». Окружающие его люди удивлялись способности мальчика предугадывать события. «Откуда ты знаешь, что надо так сделать» – говорили ему. Иногда и спорили с мальчиком, а он делал по-своему и был всегда прав.

Так, например, часто случалось им ходить с отцом на рыбалку через лес. И всегда мальчик находил и указывал короткую дорогу к реке. А бывало, говорил, что нельзя будет пройти вдоль реки: «там протока, разлившаяся, не даст прохода». Отец, не послушав, шел по-своему, вдоль реки, и они натыкались на тупик. Все равно, как и говорил мальчишка, приходилось им обходить ту протоку.

Были случаи, когда мальчик спасал людей: вдруг, он за-

держивал тетеньку и не давал ей переходить перекресток дороги в городе. Оказывалось, через секунды, мчалась через перекресток машина на высокой скорости, – ну, точно бы сбила она тетеньку, если бы мальчик ее не остановил.

Он всегда угадывал, наблюдая за человеком, в какой из подъездов войдет этот человек, подходя к дому, к пятиэтажке с 6-тью подъездами. И знал он заранее, что вот тот мужик с пакетами, сейчас, скоро, должен споткнуться и уронить пакет. Точно, вдруг, у пакета рвались ручки, когда мужик спотыкался.

Много-много случаев замечал тот мальчик, сам не понимая, откуда у него такая «память», чувство «знания наперед»: что должно случиться и что произойдет вскоре. Потому что это не было «угадыванием», мальчик не гадал: может быть так, а может иначе, – он точно знал: так будет. Как будто видел это все раньше уже, информация о событии была у него в подсознании, в душе, и он все чувствовал.

Такое свое свойство мальчишка стал сам в себе проверять и совершенствовать. Он напрягался и задумывался, что будет: вот, если учительница его вызовет к доске, ведь он точно знал, что надо ответить, хотя урок этот он еще не учил, была новая тема. Иногда он пробегает на улице вечером допоздна, а на другой день смело отвечал. Так он вперед называл на уроках физики формулу, а на уроках химии даже учительница сделанный вывод назвала открытием его имени, в шутку. Так и сказала всему классу: запишем так, как

нам только что сделал открытие мальчик, и назвала его имя.

Учился он в школе не очень хорошо, потому что ему в школе было скучно. Но на экзаменах во время окончания школы он даже поспорил с учителем истории о том, что события в учебниках указаны были неверно: он знал по-другому....

И вырос мальчик простой и обычный с виду, а умом своим явно нестандартного мышления.

В его жизни был случай, вернее так и должно было быть: когда мальчик решил покончить жизнь самоубийством. Просто он знал, что надо ему уже уходить из этой жизни.

Вспоминая детство свое, когда еще бывал он в тех «снах-страхах», мальчик видел события и знал, что ему говорили и светлые мальчики, и темные дети из других миров. Он видел, что скоро умрет его бабушка, а через некоторое время ему надо за ней идти – то есть умереть.

Действительно, так случилось однажды: бабушка приехала после обеда, когда он только пришел из школы. Они пили чай на кухне и поговорили о том, что все хорошо и живут все их родственники нормально. Бабушка уезжала в деревню и пришла проститься. Мальчик еще хотел ее проводить до автовокзала, но бабушка не велела. Они не прощались, будто оба знали одно и то же: он знал, что она уходит из жизни, а она, вероятно, знала, что встретится с ним «на том свете». Буквально через два дня, они ехали с родителями в деревню хоронить бабушку. Мальчик не плакал...

После этого, через несколько дней, придя из школы, мальчик приготовил для себя веревку, табуретку и решил повеситься. Как он думал: «надо пойти за бабушкой вслед, встретиться с ней на том свете».

Когда все приготовления были сделаны, и веревка уже была накинута на шею мальчика, случилось непредвиденное: «Он столкнул табуретку из-под ног и повис на веревке. Шею ему сдавило и дыхание остановилось. Он понял, что возврата нет, он умирает. Чернота упала, вдруг, на его зрение, и в этой черноте замелькали искры – это были огни из „сна-страха“: желтые огоньки приближались и увеличивались во весь обзор. В тот момент, с невероятной силой мальчик стал дергаться в своей петле, которая сдавила шею».

Но через минуту он упал на пол и очнулся, ударившись об стену. Тогда он встал и посмотрел на веревку. Она не порвалась: петля висела на месте ровным кругом, будто голова его уменьшилась и проскользнула в неё. Табуретка валялась в стороне. Мальчик поставил ее и отвязал веревку. А когда посмотрел в зеркало в ванной – увидел красную полосу на своей шее. Тогда он уперся и ничего никому не рассказывал. Родители может о чем-то догадывались, но на расспросы он придумал один ответ: упал и стукнулся об табуретку. Но и в школе учителя спрашивали его: полоса вокруг шеи покраснела и опухла надолго. Один из мальчишек из другого класса спросил его все-таки впрямую: ты что – повеситься хотел. На что мальчик наш не ответил.

Этот случай, – необычный случай своего спасения из петли мальчик понял сразу. Он знал, что его спасли из другого мира «желтые огни», ангелы. Как он помнил из раннего детства, из «снов-страхов», – желтые мальчики были в светлом стеклянном мире, куда он, во время снов уносился душой. Они спасли его в тот раз из петли, и они же спасали его потом в течении всей долгой жизни мальчика. А прожил он долго и многим людям помогал при помощи своих «тайных знаний» приобретенных в раннем детстве.

Мир огромен, мир разнообразен. Все миры пересекаются между собой. Мир потусторонний часто вмещивается в наш материальный и трехмерный мир.

Конец.

Третий рассказ.

Воспоминания во сне

Устроившись в фургоне-вагончике на своем месте в углу, он начал «философски» размышлять о своей жизни. Вот тут, то-ли во сне (а он уснул мертвецки, как говорят, – «вырубился») ему представились яркие картины из его прожитых дней, месяцев, лет..., – то-ли подсознание возвращало ему забытые картины жизни.

Началось всё с воспоминания о 8 классе школы, когда они готовились к экзаменам вместе со Славой Зайцевым, соседом, он жил в доме напротив.

Уже в апреле учителя начали говорить о подготовке к экзаменам. А в мае месяце проводились уроки-консультации. Ученикам дали список экзаменационных билетов и на консультациях ученики записывали ответы на билеты. Полный список ответов на билеты записал Слава Зайцев. А Женька в мае пропустил школу – он заболел. Заболел воспалением легких. По дурусти мальчишеской полез купаться 15 мая, «открывая сезон».

Май в тот год выдался неожиданно-теплым, как летом, но вода-то была холодной, недавно в апреле лед сошел, и муть от талых вод неслась по течению. Они пришли на го-

родской пляж с одноклассниками в теплый день, когда солнце в зените палило и грело по-летнему. И чтобы «не отстать» от других, «показать себя», Женька тоже полез в воду. Всем другим, а купались человек 5, – ничего, только Женька заболел на другой же день, и школу пришлось пропустить.

И поэтому он обратился к Славе. Тот приходил к Женьке домой с тетрадкой ответов на билеты, и они пытались учить даты по истории России, прочитывая, и спрашивая друг друга. А между занятиями они слушали записи на магнитофоне. В те времена было модно собирать пластинки, а ещё переписывать друг у друга с магнитофонных кассет песни «Битлз» и Высоцкого и другие. У Женьки было много разных записей, что и было интересно Славе Зайцеву.

Всё шло той ранней юношеской порой – хорошо и счастливо, Женьке обещали купить гитару. Потому что у Славика была маленькая гитара, с которой он выходил во двор и ребята собирались на лавочке у подъезда и пели «дворовые» песни. Слава учил и Женьку играть на гитаре, через это всё они тогда крепко подружились.

В один миг пролетели воспоминания в уме Женьки. Но для него (его сознания) это воспоминание было долгим. Он будто заново пережил события своего прошлого: и экзамены, подготовку к ним, и дружбу с замечательным Славой Зайцевым, который играл на гитаре и пел «дворовые» песни. И теплый май, и пляж с желтым песком, купание в холодной

воде.... А закончилось всё гибелью друга, Слава Зайцев погиб в те же дни экзаменов школьных, так и не сдав последний устный экзамен по истории, к которому они готовились.

Времени свободного у учеников 8 класса оставалось с избытком: занятия в школе это всего 2 урока консультации, и уже после 10-ти часов утра они были свободны. А поэтому – бегали на стройку, через дорогу от их двора. Там строился автобусный парк, и огромная площадь была завалена кучами песка. В этом песке, как в песчаной пустыне с барханами, ребята играли в индейцев.



Со стройки они приносили и доски, и палки. Старшие, как Женька и Славик, были «вождями племен»: они строили «вигвамы», рыли в песке «пещеры-землянки». А песок всё подвозили и подвозили грузовики-самосвалы и наваливали кучу за кучей, – надо было покрыть всю площадь до ангаров, метров 300 – 500.

И в тот день они пошли с «мелкими» пацанами к своим «вигвамам». У самых ангаров на новую кучу песка пытался вывалить еще подъехавший самосвал. Он пятился задом, подъезжая к старой куче и желая наехать на песок, чтобы

свой вывалить повыше на кучу. Тут Слава решил перебежать с одной стороны машины, где пассажирское сиденье, на другую. Водитель не смотрел в зеркало на той стороне, он смотрел только в свое зеркало заднего вида, со стороны водительского сиденья. Чтобы заехать на песчаный склон и не буксовать, водитель добавил газ, и машина поехала быстрее. Всё так совпало, что Слава упал, споткнувшись о проволоку, которая торчала из песка: стройка же, и мусора много, его и засыпали песком. Упал Слава Зайцев прямо под задние колеса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.